

БИРУТЕ СИНОЧКИНА
Вильнюсский университет (Литва)

Четверть века спустя, или Как это будет по-русски? (К проблеме нормализации русского языка в Литовской Республике)

В статье на материале СМИ анализируются особенности языка русской диаспоры в Литве, отличающие его от языка метрополии. Рассматривается региональная специфика языка, обусловленная наличием местных реалий и интерферирующим воздействием языка инонационального окружения, а также изменения, вызванные новым статусом русского языка в Литовской Республике и обособленным государственным развитием.

Ключевые слова: русская диаспора, интерференция, язык СМИ, нормализация, кодификация.

Русский язык в Литве отсчитал четверть века своего зарубежного существования. Для истории языка это небольшой срок, однако в переломные эпохи язык меняется более кардинально и значительно быстрее, чем в периоды стабильной жизни общества. Уже сейчас можно не только констатировать изменения в языке русской диаспоры Литвы, отличия его от языка метрополии, но и увидеть основные тенденции и динамику изменений. Очевидной становится и настоятельная необходимость участия лингвистов в нормализации появляющихся в Литве новых русских средств выражения, авторитетных рекомендаций в выборе представленных в узусе (прежде всего в языке СМИ) вариантов номинации.

Материалом для исследования послужили издающиеся в настоящее время в Литве русскоязычные еженедельники, сообщения новостного интернет-портала *delfi.ru*, а также некоторых других интернет-изданий, в том числе зарубежных, пишущих о странах Балтии и Литве (см. сокращенные обозначения печатных и электронных средств массовой информации в конце статьи). Ретроспективный ракурс исследования в отдельных случаях потребовал и обращения к уже не выходящей на русском языке периодике Литвы.

Выбор языка традиционных и электронных массмедиа в качестве объекта исследования не случаен: язык СМИ отражает язык общества и вместе с тем влияет на него. “В условиях информационного общества культурно-языковое влияние наиболее активно осуществляется именно по каналам массовой коммуникации, при этом СМИ выполняют функции своего рода катализатора в формировании и протекании языковых процессов” [Добросклонская 2005, 46]. Инновации в изобилии рождаются в живой разговорной речи, лексика которой практически мгновенно адаптируется к меняющейся жизни общества, однако не всему из речепотребления суждено остаться в языке. Анализ языка СМИ позволяет сосредоточить внимание на системных явлениях, закономерных отличиях русского языка Литвы от языка метрополии, отфильтровать случайное и окказиональное, а также ошибки, характерные для спонтанной речи. Язык письменных массмедиа предполагает осознанный отбор средств выражения: материалы СМИ создаются профессионалами и подвергаются редакционной правке. Важно и то, что новообразования и отклонения от языка метрополии, встречающиеся на страницах печатных и сетевых изданий Литвы, сохраняются во времени, они доступны дистанционному восприятию и могут при востребованности лингвистических единиц экспортироваться за рубеж. По медиатекстам можно проследить, что и как меняется в русском языке Литвы, какими чертами он отличается от языка метрополии, а также выяснить, являются ли эти отличия специфичными для русского языка именно в Литве или же характерны для русского языка эмиграции в целом.

Русский язык Литвы, как всякий язык, бытующий за пределами своей этнической территории, и ранее обладал особенностями, не затрагивающими основ языковой системы, но отличавшими его в некоторых частностях как от русского языка метрополии, так и от других “национальных” вариантов русского языка¹. В силу коммуникативных потребностей русский язык в Литве осваивал местный ономастикон, адаптируя его фонетически, морфологически и графически [Синочкина 1990]. В словарь включалось обозримое количество экзотизмов (этнографизмов), приживались в нем и коммуникативно ценные лексико-семантические инновации, возникшие в результате культурно-языкового контактирования [Синочкина 1989].

Реалия, уже имеющая название в русском языке, может сменить его под влиянием литовского языка, если эта смена сулит какие-то выгоды говорящим. В нашем случае наиболее удобной для заимствования оказывается интернациональная, “ничейная” лексика². Примером подобных регионализмов, характерных для русского языка Литвы, могут

служить латинизмы *абсолювент* ‘выпускник вуза’, *абстинент* ‘человек, сознательно воздерживающийся от употребления алкоголя или наркотиков’, *соленизант* ‘юбиляр, именинник’; *актуалия* ‘то, что актуально’, *прелиминарный* ‘предварительный’, *претекст* ‘повод, предлог’, *институция* — не только ‘форма общественного устройства, институт; инстанция’, но и ‘учреждение’. Такие единицы выходят за рамки окказионального или специального употребления, поскольку они отвечают стремлению говорящих экономить речевые усилия, которое проявляется, в частности, в предпочтении однословного варианта наименования многословному, а в более общем виде — в том, что усилия билингвов направлены в сторону достижения симметрии обеих систем и установления двуязычного изоморфизма [Жлуктенко 1984].

Так, наименование *продекан* (лит. *prodekanas*) удобнее, чем громоздкое *заместитель декана*, к тому же с легкостью образует пару *декан* — *продекан*, коррелируя с симметричным *ректор* — *проректор*. Еще один семантический неологизм русского языка Литвы — слово *ежедневник* в значении ‘ежедневно выходящая газета’, а не ‘блокнот для ежедневных записей, деловой календарь’. Его появление можно объяснить не просто влиянием какого-то одного слова контактирующего языка, а давлением языковой системы: в русском языке в системе универбального обозначения периодических изданий по частотности выхода (*еженедельник* — *ежемесячник* — *ежегодник*) по сравнению с литовской (*dienraštis* — *savaitraštis* — *mėnraštis* — *metaštis*) опущен первый член ряда, и эта недостаточность восполняется в русском языке Литвы существующим в общенациональном русском языке словом, чья структура “позволяет” вписать его в указанный ряд. Таким образом, появление семантической инновации стимулируется не только межъязыковыми контактами, но и недостаточностью лексической системы русского языка. См. типичные примеры употребления русского слова в “несловарном” значении:

Большая часть национальных **ежедневников** решила, что с 1 января 2014 года газеты не будут выходить по понедельникам (delfi 05.07.2013). ...На обложке **ежедневника** “Республика” написано, что газета выйдет в последний раз через 10 дней (Обз. 13.05.2014). ...Обычно хорошо информированный российский **ежедневник** “Новая газета” недавно объявил... (delfi 23.10.2014).

Из сообщений пишущих по-русски литовских журналистов или через тексты обзоров литовской прессы такое употребление проникает и в язык СМИ, издаваемых в России:

В Литве выходит три еженедельника на русском языке: “Экспресс-неделя”, “Обзор” и “Литовский курьер”, **ежедневник** “Республика”, который с дневным опозданием даёт вчерашние статьи литовского варианта газет (newsbalt.ru 20.08.2013).

Такие распространенные ошибки, обусловленные, с одной стороны, влиянием контактирующего языка окружения, а с другой — выправляющие асимметрию системы русского языка, имеют, по-видимому, шанс превратиться из речевой ошибки в факт языка, пусть регионального распространения. Интерференция “не обязана всегда оставаться интерференцией, т. е. отклонением от нормы: при частом повторении она сама может стать нормой” [Хауген 1972, 69]. Коммуникативное преимущество порожденных интерференцией номинативных единиц заключается в том, что билингв может использовать практически одно и то же слово или выражение (либо их кальку) как удобное, лаконичное обозначение важной для данного сообщества реалии при переключении языковых кодов, экономя тем самым речемыслительные усилия.

Русский язык Литвы, вытесненный из сферы официального употребления, практически предоставлен сам себе. Между тем о связи социального статуса языка с его подверженностью иноязычному влиянию писал в свое время У. Вайнрайх: “Отлучение языка от функций, придающих ему престиж, например от роли государственного языка, часто понижает его авторитет и уменьшает сопротивление интерференции, способствуя закреплению нововведений, вносимых двуязычными носителями” [Вайнрайх 1972, 56].

За правильностью литовского языка, соблюдением литературных норм следят три инстанции: авторитетная Комиссия по государственному языку, наделенная большими полномочиями Языковая инспекция и академический Институт литовского языка. В Литве всегда уделялось большое внимание чистоте и сохранности языка, поэтому неудивительно, что статус государственного языка, которым литовский язык обладал в межвоенной Литве, был возвращен ему практически одновременно с восстановлением независимости 11 марта 1990 г. Государственная комиссия по литовскому языку, созданная при верховном органе власти 6 апреля 1990 г., была уполномочена заниматься нормализацией, кодификацией языка и вопросами реализации его государственного статуса. Законодательно было определено, что “постановления и рекомендации Комиссии по языку являются обязательными для всех министерств и ведомств, учреждений, предприятий и организаций, издательств и редакций Литовской Республики”³. Комиссия выполняла и выполняет огромную работу: лингвисты, привлекая специалистов из разных сфер науки и производства, обсуждают бытующие в речи наименования и выделяют оптимальные варианты или предлагают литовские неологизмы вместо заимствований. Заслугой комиссии является электронный *Банк консультаций (Konsultacijų bankas)*, где развернуто объясняются

причин предпочтения того или другого термина⁴. Многие рекомендации комиссии оказали — через перевод — влияние и на лексику русского языка Литвы. Так, вследствие этих рекомендаций в русском языке Литвы возобладали употребление терминов *одонтология* (vs *стоматология*), *регистр* (vs *реестр*), *пластик* (vs *пластмасса*) и т. п.

Восстановление государственного суверенитета Литовской Республики повлекло за собой коренные преобразования в социально-политической и общественной жизни страны. Литовский язык, как бы вычеркнув советский период из своей истории, во многом вернулся к наименованиям межвоенной Литвы, вновь введя в обиход устаревшие было обозначения *seimas* ‘сейм’, *apskritis* ‘уезд’, *miesto valdyba* ‘городская управа’, *policija* ‘полиция’, *policijos nuovada* ‘полицейский участок’, *areštinė* ‘арестантская’, *teismo antstolis* ‘судебный пристав’⁵ и т. д.

На заре независимости подбор русских соответствий к возникающим в большом количестве новым литовским названиям происходил в срочном порядке, и не все переводческие решения оказались удачными, хотя и закрепились в текстах законодательных актов на русском языке. Рассмотрим с этой точки зрения терминологию административного устройства Литовской Республики. В Литве выделяются административно-территориальные единицы четырех уровней (в иерархии от высших к низшим): *уезд* (лит. *apskritis*), самоуправление (*savivaldybė*), *сенюния* (*seniūnija*) и *сенюнайттия*⁶ (*seniūnaitija*).

Все двуязычные словари дают слово *уезд* как единственное соответствие литовскому *apskritis*, а *округ* переводят как *apygarda*. Слово *округ* по-прежнему используется в Литве как название учетной территориальной единицы, вводимой с определенной целью (*избирательный округ*), территории распространения юрисдикции каких-либо структур (*судебный округ*, *консульский округ*). Официально Литва, что зафиксировано в соответствующих законах, делится на 10 *уездов*. Однако в живой русской речи слово *уезд* практически не встречается: носители русского языка предпочитают называть соответствующие территориальные единицы словом *округ*, переводя этой лексемой литовское *apskritis*. Такой перевод, по-видимому, провоцируется внутренней формой литовского слова (ср. *apskritas* ‘круглый’, *apskritimas* ‘круг’), заставляя говорящих подыскивать нечто сходное в русском языке. Кроме того, историзм *уезд* ассоциируется (по примерам из классической литературы, в частности) с провинциальностью, захолустьем (ср. *губернский город* и *уездный город*). Отторжение слова *уезд* в изобилии демонстрируют и СМИ Литвы. Ср.:

Самым безопасным **округом** Литвы назван **округ** Тельшяй, самым беспокойным местом — Вильнюсский **округ** (delfi 02.04.2008). В Вильнюсском **округе**

школьников все меньше (Нед. 08.09.2010). Часть (доля? — Б.С.) литовского населения в Вильнюсском **округе** за десять лет увеличилась с 55% до 59%... (ЛК 15.03.2013). Сотрудники полиции Каунасского **округа** задержали... (Обз. 27.04.2015).

О том, что русское устаревшее *уезд* активно вытесняется словом *округ*, свидетельствует и несколько неожиданное употребление именно этого слова на официальном сайте Генерального консульства Литовской Республики в Санкт-Петербурге, где в рубрике “Административное деление Литвы” читаем: “Территория Литвы разделена на 10 **округов**. **Округи** (округа? — Б.С.) разделены на 60 самоуправлений” [<https://consulate-stpetersburg.mfa.lt/stpetersburg/ru/> (08.03.2017)].

Следующий термин данной тематической группы — *самоуправление*. Это слово в русской речи также оказалось не самым удачным наименованием⁷. Громоздкое внешне, оно совмещает в себе сразу несколько значений: территориальной единицы, управляющего учреждения, здания, в котором оно размещается, а также отвлеченного наименования действия (в литовском в этом значении используется отдельное слово — *savivalda*). Кроме того, образованное от этого слова прилагательное — *самоуправленческий* — несет на себе печать сугубо книжного термина и обладает узкой сочетаемостью. Поэтому вполне закономерно наряду со словом *самоуправление* в СМИ используется его иноязычный по происхождению синоним *муниципалитет* и однокоренные прилагательные, позволяющие сказать *муниципальные выборы*, *муниципальный бюджет*, *муниципальная полиция*, *муниципальное жилье* и т. п. Выборный орган, осуществляющий самоуправление, а также занимаемое им здание часто называется *мэрией*, причем применительно не только к городскому самоуправлению, но и к сельскому. Глава мэрии сельского (районного) самоуправления также именуется *мэром*:

...Приехали две социальные работницы из **мэрии** Вильнюсского района (delfi 08.02. 2017). Информацию... подтвердила... глава отдела просвещения при **мэрии** Шальчининкского района... (delfi 13.10.2011). **Мэр** Вильнюсского района... также не спешит особо радоваться новой инициативе (Нед. 10.11.2014).

Мэр и *мэрия* — частотные слова в русских СМИ Литвы, с 90-х годов прошлого века они активно используются и в России. Тем не менее в литовских СМИ порой обнаруживается и неверное их использование. Поскольку термин *самоуправление* называет и территорию, и управляющий орган, это тождество может ошибочно переноситься и на слово *мэрия*. Ср.:

В некоторых литовских мэриях каждый второй работник за всю свою карьеру не накопил необходимый стаж для получения пенсии (delfi 06.02.2017). Можно

подумать, что речь в тексте идет именно о работниках мэрии — учреждения, однако обращение к оригинальному тексту на литовском языке доказывает, что здесь имеются в виду жители самоуправления — территории. См. там же далее: *Больше всего таких работников (почти 51%) было в районной мэрии Скуодаса*⁸.

Материалы русских СМИ Литвы демонстрируют интересную историю термина *сенюния*. Введенный с принятием Закона о местном самоуправлении (1995), этот термин, называющий безэквивалентную литовскую реалию, в первые годы использовался исключительно в транслитерированном виде. С ним хорошо согласовывался термин *сенюнас* ‘глава сенюнии’, который мог также переводиться русским *староста*. В то время казалось, что русский термин будет окончательно вытеснен в этом значении из употребления. Более того, транслитерация *сенюнас* стала использоваться и расширительно, обозначая, например, главу парламентской фракции (в Литве *староста фракции* — аналог *председателя фракции* в России):

Группа инициативных жителей Лентвариса не пускала в здание сенюнии вновь назначенного **сенюнаса**... (ЛР № 42, 1997). Сянюния готова оказать посильную помощь. **Староста**... присмотрит за ходом строительных работ (ВН 19.08.1997). Если я останусь на посту **сенюнаса**... (Пон. № 19, 1997). Лидер Движения либералов... и **сенюнас** фракции... (delfi 16.07.2009).

Однако с введением в активное употребление историзма регионального распространения *староство*⁹, заменившего *сенюнию*, слово *староста* вытесняет и уже практически вытеснило заимствованное *сенюнас*.

Об освоенности новых административных терминов свидетельствует тот факт, что сейчас реже, чем ранее, одновременно используются разные варианты наименования реалии, что было нередким в 90-е гг. прошлого века:

Обратить внимание **сянюнасов (старост)**, руководителей учреждений образования, культуры... (ЭЛ 10.01.1998). Начальник Вильнюсского **уезда (округа)**... издал приказ... (ЛК № 5, 1998).

Подобные глоссы встречаются сейчас по преимуществу в зарубежных материалах о Литве.

Обретение Литвой независимости, отход от советского прошлого диктовали стремление многое назвать по-новому, по-своему или же продолжить прерванные языковые традиции времен межвоенной независимой Литовской Республики (1918–1940). Литовский язык очищался от интерференции — следствия существования в условиях

доминирования русского языка. “Язык может внушать носителям чувство патриотизма, подобное национальному патриотическому чувству, связанному с идеей нации. Язык, будучи неприкосновенной сущностью, противопоставляемой другим языкам, занимает высокое положение на шкале ценностей, положение, которое нуждается в “отстаивании“. В ответ на угрожающий языку сдвиг это чувство верности языку приводит в действие силы, направленные на сохранение языка, оказавшегося под угрозой; в ответ на интерференцию оно превращает стандартизованный вариант языка в символ веры и святыню” [Вайнрайх 1972, 57–58]. Трепетное отношение к родному языку можно понять, учитывая непростую историю литовского языка, когда иноземные власти в прошлом угрожали самому его существованию.

Как к незыблемому символу веры, включая и его форму, отнеслись к новым литовским наименованиям государственных институтов, учреждений и организаций и первые переводчики их на русский язык. Многие неудачные названия представляют собой буквальные переводы с литовского. Но, поскольку язык, как известно, саморазвивающаяся система, то время и тут вносит свои коррективы, ср. официальные наименования министерств на сайте “Государство Литовская Республика” [<http://www.lrvlstybe.lt/ru/ministerstva-i-departamenty-3430/> (08.03.2017)] и — за знаком равенства — более верные с точки зрения норм русского языка названия, все чаще встречающиеся в языке СМИ. Нередко именно второй вариант предпочитают употреблять сами министерства: *министерство охраны края* = *министерство обороны*, *министерство хозяйства* = *министерство экономики*, *министерство сообщения* = *министерство транспорта и коммуникаций*, *министерство просвещения и науки* = *министерство образования и науки*¹⁰.

Неудачные образцы перевода постепенно уходят из языка СМИ. Однако вызывает сожаление то, что такие замены происходят стихийно, а это порождает неоправданную путаницу в наименованиях.

Нередко номинативная единица, используемая в русском языке Литвы, нуждается в пространных пояснениях при выходе за пределы государства. Необходимость таких пояснений противоречит самой сущности языка как средства коммуникации. Приведу пример подобного разъяснения термина *уредия* из статьи в российской газете известного литовского лесничего:

Всю хозяйственную деятельность в лесах Литвы регламентирует Лесной закон, принятый Сеймом Литвы в 1994 году. <...> Функции государственного и хозяйственного управления отраслью разделены. Для этого в составе Министерства охраны среды имеется Лесной департамент и Генеральная уредия. Лесной де-

парламент готовит законодательные и подзаконные акты, разрабатывает стратегию отрасли. А хозяйственное управление осуществляет Генеральная уредия. Читателю постараюсь объяснить значение термина “уредия”. После восстановления независимости лесхозам было возвращено традиционное, издавна применявшееся название “уредия”. Для удобства читателя я буду эту государственную структуру называть по-прежнему “лесхоз” [Квиклис 2005].

Слово *уредия* (восходящее к слав. *уряд*, *урядник*) в двуязычных словарях нередко переводится как *лесничество*, однако в состав уредии входит несколько лесничеств (лит. *girininkija*) — это административно-хозяйственная единица более высокого порядка. В русском языке Литвы в настоящее время можно встретить различные обозначения как управления государственным лесным фондом, так и его главы. Ср. употребляемые в СМИ наименования: *директор Генеральной дирекции государственного лесного хозяйства* (Нед. 04.05.2010); *генеральный егерь* (delfi 05.04.2014); *генеральный директор Дирекции государственных лесов* (Обз. 13.04.2014); *генеральный уредас Генеральной лесной уредии* (Обз. 30.04.2015); *глава Генерального лесничества* (delfi 07.12.2015) и т. п. Остается надеяться, что намечаемая реформа лесного хозяйства Литвы, в ходе которой предполагается упразднить уредии, снимет эту терминологическую проблему.

Еще один буквализм — слово *коллегия*, обозначающее в Литве не коллективный орган, а учебное заведение. В текстах, предназначенных для зарубежного читателя, особенно рекламного содержания, *коллегия* обычно заменяется на *колледж*.

Почему же новшества независимой Литовской Республики породили так много буквализмов в русском языке? Причина, возможно, кроется в том, что к русскому языку — языку прежней власти — в Литве относились с подозрением как к проводнику советского. Причем водораздел в лексике проходил (и в известной мере до сих пор проходит) не только в разном понимании, эмоциональной окраске и употреблении слов типа *коммунист*, *демократ*, *патриот*, *партизан*, *либерал* и т. п., но и в выборе лексем отнюдь не политико-идеологической тематики. См. характерный пример разграничительного употребления привычного слова *мультипликация* (ср. *мультик*) и более нового *анимация*:

Я прочитал сочинение некой Гражины Янкаускаене “А где добрая **анимация**?” <...> Только не приходит ли госпоже в голову мысль, что так называемая советская **мультипликация** была средством коммунистической пропаганды и оружием против инвазии с “неправедного и вырождающегося” Запада в совершенный и справедливый Советский Союз? [“Kauno diena” 22.08.2012].

Выбор названия *Прибалтийские страны vs страны Балтии* также является маркером политических взглядов говорящего. Так, философ Г. Мажейкис на вопрос журналиста о том, почему в России не переходят на новый термин *страны Балтии*, прямо отвечает:

Прибалтика присутствует именно как советский политический артефакт... <...> Те, кто произносит слово “прибалтийские” — относят данное значение к некоторому воображаемому ощущению советскости, которая якобы сейчас каким-то образом присутствует. А она присутствует как симулякр, а не как действительность (delfi 12.06. 2016).

Трудно представить себе термин *Прибалтика* в устах литовского государственного или общественно-политического деятеля. Использование его в СМИ при цитировании вызывает подозрение в неточной передаче. Так, в сообщении ИА REGNUM о встрече премьеров Литвы, Латвии и Эстонии упоминается, что литовский премьер якобы говорил о “быстром и удобном сообщении между странами Прибалтики и Западной Европой” (ЛК 15.12.2015). При обращении к литовскому источнику — пресс-службе правительства — выясняется, что премьер (как и следовало ожидать) говорил о сообщении между “странами Балтии и Западной Европой” [<https://ministraspirmininkas.lrv.lt/lt/naujienos/vilniuje-baltijos-saliu-premjerai-koordinavo-savo-veiksmus-igyvendinant-strateginius-tikslus> (08.03.2017)].

Желание идти в ногу с эпохой перемен (когда даже слово становилось орудием политического противостояния), не прослыть ретроградом, а возможно, и просто опасение не угодить кому-то порождало наименования, где следование букве, форме подлежащего переводу литовского названия делало его русское соответствие непонятным, искажающим смысл или нарушающим нормы русского языка. Однако и в этих случаях время определяет судьбу подобных единиц номинации. “Противоречие между тенденцией к общему, интернациональному, общечеловеческому и тенденцией к особому, этнически своеобразному находит каждый раз свое конкретно-историческое решение” (Розенцвейг 1972:78). То, что затрудняет понимание, лишается шанса на выживание. Никому, и прежде всего самой Литве, не нужен русский язык, где каждое второе слово потребует разъяснения.

С другой стороны, опыт языка окружения, привнесенный в практику родного языка, может подсказать ему удачное средство выражения: языковое контактирование — один из источников потенциального обогащения словаря. Так, упоминавшаяся выше калька с литовского *ежедневник* ‘ежедневная газета’ оказалась востребованной и получила

широкое распространение, когда газеты старого образца — большого формата, малостраничные, но выходившие каждый день — сменились пухлыми еженедельниками таблоидного формата. Пока газеты были почти исключительно ежедневными, это их качество особо подчеркивать не приходилось.

В новых названиях, порождаемых жизнью, проявляются специфические черты русского языка Литвы в целом. Например, обилие диминутивов, характерное для литовского языка [Бразаускаене 2000, 24], сказывается и на формах русских наименований. Так, в нейтральных текстах, в официальных сообщениях русскому *корзина* в значении ‘набор товаров и услуг в натуральном и стоимостном выражении’ в СМИ Литвы очень часто соответствует уменьшительное *корзинка*: *школьная, ученическая, банковских платежных услуг, минимальных потребностей* (ср. нормативное *минимальная потребительская корзина*) и т. д. То же касается слова *карта* в его новом употреблении: *банковская, платежная карточка, карточка кодов (кодовая карта), карточка вильнюсца* (электронный билет для проезда в общественном транспорте, введенный в 2012 г.), *карточка идентификации личности (ID-карта)*. Отметим попутно в приводимых сочетаниях и характерный для литовского языка родительный падеж существительного в функции определения. Ср. также построенное по типично литовской модели *принцип одного окошка*.

Средства массовой информации играют важную роль в выработке и введении в широкий обиход новых номинативных единиц. Тиражирование региональных неологизмов в русском языке Литвы в основном осуществляют выходящие здесь газеты, поскольку доля эфирного времени собственных радио- и телепередач на русском языке в стране весьма незначительна. Так, именно в прессе впервые появился неологизм *сигнатар* как эквивалент (транслитерация без окончания) литовского слова *signataras* ‘лицо, сторона, подписавшие документ’ (<лат. *signator* ‘прикладывающий печать как свидетель’). *Сигнатар Акта от 16 февраля* и *сигнатар Акта от 11 марта* — почетный титул лиц, чья подпись стоит на документе, провозглашающем независимость Литвы (1918 г.) либо восстанавливающим эту независимость (1990 г.). И если в отдельных случаях семантика литовского слова может быть передана описательно, то в других, например в названии мемориального объекта (*Дом сигнатаров*) или организации (*Клуб сигнатаров*), лексическая лакуна русского языка настоятельно требует заполнения.

В свое время я предложила вариант *сигна́тор*, более близкий по форме к латинскому оригиналу и вполне приемлемый с точки зрения норм русского языка, поскольку корень этого латинизма уже известен русскому

языку (*сигнал, сигнатура*), а модель, по которой он образован, является продуктивной (ср. *организатор, ликвидатор, регистратор* и т. п.). Сейчас в СМИ Литвы можно встретить варианты *сигнатáр/сигнáтор*, употребляемые с примерно равной частотностью¹¹.

Еще одно слово, которым пытаются залатать лексическую брешь, — *подписант*, которое, на мой взгляд, не подходит в качестве почетного титула: еще не стерлись в памяти ситуации появления этого русского неологизма в советское время; слово носит разговорный характер, да и само сочетание русской производящей основы с книжным латинским формантом порождает некоторый комический эффект (ср. созданные по той же модели окказионализмы *отъезжант, отсидант, содержант* [Казак 2012]). Иногда *подписант* используется для семантизации потенциально непонятого неологизма. См. примеры:

Ушел из жизни еще один **сигнатор** Акта о провозглашении независимости Литвы... (delfi 19.05.2008). ...На столичном кладбище Расу состоится чествование **сигнаторов** Акта независимости... (ЛК 14.02.2013). Сегодня в Вильнюсе у Дома **сигнатаров** (**подписантов** Акта о независимости Литвы) проходит акция... (delfi 06.11.2016).

Рассматриваемая реалия не является в полном смысле слова национально специфической, однако называющее ее русское слово — принадлежность специальной лексики. Данным понятием оперируют по преимуществу в юридической, дипломатической сфере, причем речь обычно идет о государствах, подписавших какой-то договор, соглашение, а не о лицах. Носителям русского языка вне Литвы это слово чаще всего неизвестно, о чем свидетельствует характерный вопрос (№ 247479) и ответ на него в архиве справочного портала “Грамота.ру”:

Так все-таки, есть в современном русском нормативном языке слово “сигнатáр/сигнатор/сигнатáрий”, или нет? Или это — “прибалтийский русский”? Можно ли это употреблять?

Ответ справочной службы русского языка: *В доступных нам словарях это слово не зафиксировано* [<http://new.gramota.ru/spravka/> (08.03.2017)].

Однако, как оказалось, слово *сигнатáрий* (англ. *signatory*) в интересующем нас значении зафиксировано в ряде специальных, а также в переводных словарях. Его и следует считать оптимальным соответствием литовского *signataras*. Русское слово уже существует, его не надо придумывать, причем своей морфемной структурой оно закономерно продолжает ряд литовско-русских параллелей: *parlamentaras* — *парламентарий*, *agraras* — *аграрий*, *proletaras* — *пролетарий*, *vikaras* — *викарий*,

karbonaras — *карбонарий*, *humanitaras* — *гуманитарий*, *signataras* — *сигнатарий*.

Расхождения в средствах выражения зарубежного русского языка по сравнению с языком метрополии могут быть вызваны существенными изменениями в юриспруденции, получившими отражение в законодательстве и иных правовых актах. Ср.: *предъявить подозрение vs предъявить обвинение, кодекс об административных проступках vs кодекс об административных правонарушениях* и т. п.

Многие из некогда новых наименований (в том числе названия новых реалий, ср. неологизмы, связанные с преобразованием системы обучения: *бакалавриат, магистратура, хабилитация*) появились и в языке метрополии, но в русский язык Литвы они вошли непосредственно вслед за литовскими, и даже фонетико-орфографическая их форма в языке Литвы установилась не сразу, ср.: *бакалаврат/бакалавриат, магистрантура/магистратура, габилитация/хабилитация*.

Особо следует сказать об изменениях в наименованиях, вызываемых стремлением придать сигнификату “щадящий” характер: не *инвалиды*, а *люди с недугом*, не *умственно отсталый*, а *особый* ребенок, ребенок *с особым интеллектом* и т. д. И здесь уже тоже можно проследить некоторую эволюцию: *люди с недугом* — это перевод литовского *žmonės su negalia*, а уже позднее в Литве прижилось более распространенное, общее для языка диаспоры и метрополии *люди с ограниченными возможностями*. Из инноваций последнего времени, связанных с соблюдением политкорректности, можно назвать, в частности, *ромы vs цыгане; сеньоры vs пожилые люди*. Подобные новые региональные русские наименования, пришедшие вслед за литовскими (которые, в свою очередь, нередко копируют западноевропейские образцы), часто опережают по времени появления соответствующие неологизмы в русском языке метрополии.

При обособленности государственного развития определенная дивергенция в лексике неизбежна, но ошибок номинации можно избежать, если ученые-русисты будут не просто сторонними наблюдателями, а займут более активную позицию в процессе именованья нового.

Если говорить о качестве русского языка Литвы, демонстрируемого средствами массовой информации, насущной проблемой представляется отсутствие какой бы то ни было нормализации и кодификации в той его части, которая отличает язык, бытующий в отрыве от основного этносоциума, от материкового русского. Эту же проблему отмечают и латвийские филологи: “Особенностью существования литературного языка в условиях рассеяния является отсутствие единого культурного

центра, диктующего свои нормы” [Кузнецов 2000, 78]. Лингвисты, как правило, фиксируют ошибки, отступления от общепринятой нормы, но не предлагают лучшие варианты номинации: описывают, но не предписывают.

Давно назрела необходимость в издании справочника, куда вошла бы номенклатура официальных наименований, представляющих собой устойчивые словосочетания и по функции приближающихся к слову, а также содержались бы рекомендации по употреблению вариантов номинации, специфических для русского языка Литвы. Приведу несколько примеров того, что могло бы явиться предметом рассмотрения в подобном пособии-справочнике. Так, названия распространенных в Литве культовых сооружений *stogastulpis* и *koplytstulpis* обычно как слова-реалии транслитерируют, однако в русском языке существуют наименования сходных реалий: *столб-часовенка*, *часовенный столб/столп*. Транслитерация, сохраняя аутентичность названия, не передает значения. Транслитерируется и народное литовское название католического праздника Вознесения Девы Марии¹² *Žolinė*, однако чаще в неправильной форме — *Жолинес*. Видимо, причиной является то, что форма родительного падежа единственного числа (*Žolinės šventė*) понимается как именительный множественного по аналогии с формой других праздников (*Vėlykos*, *Kalėdos*). Транслитерируется и слово *kryždirbystė* — традиционное литовское искусство изготовления художественных крестов, включенное ЮНЕСКО в список нематериального культурного наследия человечества¹³. Однако вместо транслитерации *криждирбисте*, которое без знания литовского языка все равно требует семантизации, можно, вероятно, использовать неологизм *крестodelие*, формально созданный по образцу слов *маслоделие*, *виноделие*¹⁴. Иногда литовское наименование реалии трудно перевести в силу непривычности его структуры. Так, просветительское общество, созданное в 1921 г. Ю. Тумасом-Вайжгантасом и возрожденное в 1995 г., называется *Lietuvai pagražinti draugija*. Как это будет по-русски? Приведу немногочисленные примеры, демонстрируемые СМИ и Интернетом: *Общество для украшения Литвы*, *общество “Украсим Литву”*. Должны ли христианские демократы в Литве по-русски сокращенно называться *крикдемы* (от *krikščionys demokratai*) или *хрисдемы/христдемы*?¹⁵ Как лучше называть: *парк Калну* или *Нагорный парк*, *Старый город Вильнюса* или *вильнюсский Старый город*?¹⁶ Не претендуя на истину в последней инстанции, хочу лишь обратить внимание на необходимость упорядочения того, что актуально именно для русского языка в Литве и что не получает отражения в общерусских учебниках, справочниках и пособиях. Объединен-

ные усилия специалистов-русистов по нормализации и кодификации того, что отличает язык русской диаспоры Литвы от материкового русского, помогли бы в профессиональной деятельности учителям, переводчикам, журналистам — всем, кому не безразлична судьба родного слова. А до тех пор язык СМИ будет отражать состояние русского языка в Литовской Республике, но не станет образцом для русскоговорящих жителей Литвы, объединяющим их ориентиром речевого поведения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. об этом подробнее в [Синочкина 1989].

² Об активизации общих для контактирующих языков элементов см. также: [Авина 2003; Авина 2005].

³ Об истории создания и деятельности Государственной комиссии по литовскому языку см. [<http://www.vlkk.lt/veikla/istorija/vlkk-istorija> (08.03.2017)]. Перевод с литовского языка здесь и далее выполнен мной.

⁴ Следует отметить, что при обсуждении вариантов Комиссия исходит из соображений лингвистического характера.

⁵ Многие из этих наименований, бывших ранее историзмами или употреблявшихся применительно к зарубежным реалиям, вошли затем и в русский язык метрополии (*полиция* – совсем недавно), но в Литве они появились раньше.

⁶ Оба последних транслитерируемых слова, а также однокоренные *сенюнас*, *сенюнайтис* могут писаться также с буквой *я*, а не *е*: *сянюния*, *сянюнайттия*, *сянюнас*. О проблемах практической литовско-русской транскрипции см. в [Синочкина 2012].

⁷ По моим наблюдениям, при непринужденном общении используется почти исключительно непереведенный литовский термин *савивальдибе*, что получает, в частности, отражение в публикуемых читательских комментариях к текстам СМИ.

⁸ В оригинальном материале на литовском языке: “Skuodo rajono savivaldybėje” — ‘в самоуправлении Скуодасского района’.

⁹ Трудно сказать, что именно послужило причиной смены наименования. Не исключено, что толчок был дан появлением одноименной статьи в русской Википедии. Лингвистические же преимущества пары *староство* — *староста* со славянским корнем очевидны: ...По словам *старосты Тракайского районного староства Кястутиса*... (delfi 08. 12.2012).

¹⁰ Нельзя в этой связи не отметить, что переводчики на английский язык, за которым не тянулся шлейф “советскости”, были свободны от этого буквализма, поэтому английские соответствия новых литовских номенклатурных наименований не требуют, как порой русские, специальных разъяснений. Ср. английские названия министерств и ведомств Литвы с вышеприведенными русскими: *Krašto apsaugos ministerija* — *Ministry of National Defence*, *Ūkio ministerija* — *Ministry of Economy*, *Susisiekimo ministerija* — *Ministry of Transport and Communications*, *Generalinė miškų urėdija* — *Directorate General of State Forests*.

¹¹ По моим наблюдениям, на портале *ru.delfi.lt* в 2007–2011 гг. преобладал вариант *сигнатор*, позднее — *сигнатар*.

¹² В западной традиции он именуется *Взятие Пресвятой Девы в небесную славу*, в православной — *Успение Пресвятой Богородицы*.

¹³ Именно искусство изготовления, а не сами кресты, что делает слово весьма актуальным.

¹⁴ Быть может, стоит однословно называть и мастера по изготовлению крестов — *крестодел*. Ср. наличие в украинском языке слов *хресторобство* и *хрестороб*, а также *хлебороб*, которое было заимствовано русским литературным языком.

¹⁵ О популярности сложносокращенного наименования *крикдемы* свидетельствует следующая подпись под иллюстрацией на новостном портале *penki.lt*: *Lider италянской оппозиции Сильвио Берлускони выступает на международном саммите крикдемов в Риме* [<http://www.penki.lt/ru/Lider-italyanskoj-oppozicii-Silvio-Berluskoni-vystupaet-na-mezhdunarodnom-sammite-krikdemov-v-Rime.media?id=181188> (08.03.2017)].

¹⁶ Если в письменном варианте еще понятно, что речь идет не обо всем городе, а о его историческом центре, то при восприятии на слух (например, по радио) в определенном контексте это различие нивелируется. Ср.: *Узкие улочки С/старого города Вильнюса*. Согласованное определение в данном случае представляется предпочтительным.

СОКРАЩЕННЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ

ВН — “Вечерние новости”

ЛК — “Литовский курьер”

ЛР — “Летувос ритас”

Нед. — “Экспресс-неделя”

Обз. — “Обзор”

Пон. — “Понедельник”

ЭЛ — “Эхо Литвы”

delfi — *ru.delfi.lt*.

ЛИТЕРАТУРА

- Авина Н., 2003: К исследованию языка диаспоры: лингвистический аспект (на материале русских Литвы), *Русский язык в научном освещении*. № 2 (6), 5–13.
- Авина Н. Ю., 2005: Язык русской диаспоры в современной Литве, *Отечественные записки*. № 2 (23). URL: http://magazines.russ.ru/oz/2005/2/2005_2_17.html
- Бразаускаене Е., 2000: Грамматические особенности русского языка в Литве, *Русский язык сегодня*. Вып. 1, 19–25.
- Вайнрайх У., 1972: Одноязычие и многоязычие, in Розенцвейг В. Ю. (ред.), *Новое в лингвистике*. Вып. 6: *Языковые контакты*. Москва, 25–60.
- Добросклонская Т. Г., 2005: Роль СМИ в динамике языковых процессов, *Вестник Московского университета*. Сер. 19: *Лингвистика и межкультурная коммуникация*. № 3, 38–54.
- Жлуктенко Ю. А., 1974: *Лингвистические аспекты двуязычия*. Киев: Вища школа.

- Казак М. Ю., 2012: *Морфемика и словообразование современного русского языка: Теория*. Белгород.
- Квиклис Р., 2005: Что изменилось в лесном хозяйстве Литвы, *Лесная газета*, № 26, 29 марта.
- Кузнецов А. М., 2000: *Перспективы русского языка в Латвии*, in Кюльмоя И. П. (ред.), *Язык диаспоры: проблемы и перспективы: Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия*. III. Тарту.
- Розенцвейг В. Ю., 1972: *Языковые контакты: лингвистическая проблематика*. Ленинград: Наука.
- Синочкина Б. М., 1989: О некоторых региональных особенностях русского языка в Литве, *Kalbotyra*, № 40 (2), 75–83.
- Синочкина Б. М., 1990: Литовская топонимика и грамматические нормы русского языка, *Kalbotyra*, № 41 (2), 17–24.
- Синочкина Б., 2012: Еще раз о передаче литовских имен собственных в русском тексте, *Kalbotyra*, 57 (2). *Slavistica Vilnensis*, 127–140.
- Хауген Э. 1972: Языковой контакт, *Новое в лингвистике*. Вып. 6: *Языковые контакты*. Москва, 61–80.

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATION)

- Avina N. Ju., 2005: Jazyk russoj diasporj v sovremennoj Litve, *Otechestvennyje zapiski*. № 2 (23). URL: http://magazines.russ.ru/oz/2005/2/2005_2_17.html
- Avina N., 2003: K issledovaniju jazyka diasporj: lingvisticheskiy aspekt (na materiale russkih Litvy), *Russkiy jazyk v nauchnom osveshhenii*. № 2 (6), 5–13.
- Brazauskene E., 2000: Grammaticheskie osobennosti russkogo jazyka v Litve, *Russkiy jazyk segodnja*. Vyp. 1, 19–25.
- Dobrosklonskaja T. G., 2005: Rol' SMI v dinamike jazykovyh processov, *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 19: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija*. № 3, 38–54.
- Haugen Je. 1972: Jazykovej kontakt, *Novoe v lingvistike. Vyp. 6: Jazykovye kontakty*. Moskva, 61–80.
- Kazak M. Ju., 2012: *Morfemika i slovoobrazovanie sovremennogo russkogo jazyka: Teorija*. Belgorod.
- Kuznecov A. M., 2000: Perspektivy russkogo jazyka v Latvii, in Kjul'moja, I. P. (red.), *Jazyk diasporj: problemy i perspektivy: Trudy po russoj i slavjanskoj filologii. Lingvistika. Novaja serija*. III. Tartu.
- Kviklis R., 2005: Chto izmenilos' v lesnom hozjajstve Litvy, *Lesnaja gazeta*, № 26, 29 marta.
- Rozencvejg V. Ju., 1972: *Jazykovye kontakty: lingvisticheskaja problematika*. Leningrad: Nauka.
- Sinockina B. M., 1989: O nekotoryh regional'nyh osobennostjah russkogo jazyka v Litve, *Kalbotyra*, № 40 (2), 75–83.
- Sinockina B. M., 1990: Litovskaja toponimika i grammaticheskie normy russkogo jazyka, *Kalbotyra*, № 41 (2), 17–24.

- Sinochkina B., 2012: Eshhe raz o peredache litovskih imen sobstvennyh v russkom tekste, *Kalbotyra*, 57 (2). *Slavistica Vilnensis*, 127–140.
- Vajnrajh U., 1972: Odnodzyczchie i mnogodzyczchie, in Rozenecvejg V. Ju. (red.), *Novoe v lingvistike. Vyp. 6: Jazykovye kontakty*. Moskva, 25–60.
- Zhluktenko Ju. A., 1974: *Lingvisticheskie aspekty dvujazychija*. Kiev: Vishha shkola.

BIRUTE SINOCHKINA

A Quarter-Century Later, or How does it Sound in Russian?
(On the Problem of Normalizing the Russian Language in the Republic of Lithuania)

The analysis of the Russian language of Lithuania's media showed that the restoration of the independent state of Lithuania had increased divergences between the Russian language outside the nation and that of the metropolis. Cardinal sociopolitical transformations and changes in the society's life and mentality caused numerous innovations in the language. Not all Russian nominations of the new Lithuanian realities appeared successful, a part of them being changed during the last decades. Lithuanian Russian needs the local standard of the language, and this standard must be developed and codified.

Keywords: Russian diaspora, language interference, media language, normalization and codification.

BIRUTĖ SINOČKINA

Po ketvirčio amžiaus, arba Kaip tai pasakyti rusiškai?
(Rusų kalbos Lietuvos Respublikoje norminimo problema)

Rusakalbės žiniasklaidos mūsų respublikoje analizė parodė, kad, atkūrus Lietuvos valstybės nepriklausomybę, ėmė rasti daugiau skirtumų tarp rusų kalbos, tapusios užsienio kalba Lietuvoje, ir metropolijos rusų kalbos. Dėl kardinalių socialinių ir politinių transformacijų bei visuomenės gyvenimo ir mentaliteto pokyčių kalboje imta vartoti daug naujovių. Ne visi rusiški naujųjų realijų pavadinimai pasirodė esą sėkmingi, dalis jų keitėsi per pastaruosius dešimtmečius. Lietuvos Respublikos rusų kalbą būtina norminti, ypatingą dėmesį atkreipiant į kalbos išraiškos priemones, kurios ją skiria nuo metropolijos kalbos. Ši vietinė norma turi būti kodifikuota.

Reikšminiai žodžiai: rusų diaspora, interferencija, žiniasklaidos kalba, norminimas ir kodifikavimas.

Поступило в редакцию: 23 марта 2017 г.

Принято к печати: 14 апреля 2017 г.

Бируте Синочкина, доктор гуманитарных наук, доцент Вильнюсского университета.
Birute Sinochkina, PhD (Humanities), Assoc. prof. of Vilnius University.
Birutė Sinočkina, humanitarinių mokslų daktarė, Vilniaus universiteto docentė.
E-mail: sinochkina@gmail.com